

АНГЕЛИНА РОМАШКИНА

ВОСПОМИНАНИЕ
ЭФФЕКТА
СЕПИЯ

#романтика
#триллер
#тайныпрошлого

18+

Ангелина Ромашкина
Воспоминание эффекта сепия

«Автор»

2026

Ромашкина А.

Воспоминание эффекта сепия / А. Ромашкина — «Автор», 2026

Полина возвращается в родной поселок Ярский спустя шесть лет после трагического события, разделившего ее жизнь на "до" и "после". Она бы никогда не появилась здесь вновь... Ведь является для жителей Ярского воплощением позора и стыда. Но Полина просто не может пропустить свадьбу лучшей подруги - единственного близкого человека, который у нее остался. Ей нужно продержаться в Ярском одну неделю и придерживаться знакомых простых правил. Никакой эмоциональной близости. Никаких разговоров о прошлом. И никаких мужчин рядом. Полина давно научилась всё контролировать. Особенно — близость. Но случайная встреча с бывшим одноклассником Ярославом заставляет Полину резко потерять контроль. Ведь он больше не скромный парень, что скрывал от нее свои чувства все школьные годы. Он знает больше о том роковом дне, что уничтожил Полину. И кажется, ключ к исцелению Полины находится именно в его руках.

© Ромашкина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Плейлист	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ангелина Ромашкина

Воспоминание эффекта сепия

Глава

Ангелина Ромашкина
«Воспоминание эффекта сепия»
Ты не равно твоё прошлое

Плейлист

«Сплин» – «Иди через лес»
«Город 312» – «Фонари»
«Нервы» – «Осень»
«Сплин» – «Выхода нет»
«Хлеб» – TheEnd
Enigma – Sadness
Karmah – Just Be Good to Me
«Сплин»– «Теплородногодома»
Blue Foundation – Eyes on Fire
L'One(ft. Фидель) – Океан
«Луна» – «Дельфины»
«МЫ» – «Возможно»
«Китай» - «Осень»
Marakesh – Осколки
Дельфин – Любовь

ГЛАВА 1

Саундтрек к главе – «Сплин» – «Выхода нет»

Сейчас

Я лечу домой. Дом, милый дом. Хотелось бы так сказать. Но нет. Я бы ни за что не вернулась в Ярский, если бы не свадьба единственного близкого человека, который у меня остался на этой Земле.

От «Саня Санечка Санек»:

«Надеюсь, ты не передумала в последний момент и уже ждешь посадку. Люблю!»

Кому «Саня Санечка Санек»:

«Ага! Не дождеешься! Я мечтаю увидеть в дебилных свадебных декорациях человека, который когда-то клялся на батончике “Марс”, что никогда не выскочит замуж»

От «Саня Санечка Санек»:

Эмодзи «средний палец»

Кому «Саня Санечка Санек»:

«И я тебя люблю. Дали место прямо возле иллюминатора. Но слава богу, Ярский не разглядеть ни с одной точки мира»

Я еле выдержала пять часов полета. Сперва пыталась погрузиться в сюжет «Грозового перевала», но уже через полчаса глаза в линзах заслезнились так сильно, что я остервенело захлопнула книгу и отвернулась к иллюминатору. Но за пределами борта самолета не оказалось ничего интересного: пелена белой дымки разительно напомнила мне осенние туманы в Ярском. А подобные ассоциации вызывали лишь тревогу и желание поскорее покинуть замкнутое пространство самолета. Единственное, что смогло меня нормально отвлечь в полете, – музыка. Она всегда отвлекала и даже спасала в те моменты, когда казалось, что земля вот-вот уйдет из-под ног.

Холодный влажный воздух с привкусом жженных листьев и солоноватого дождя хлестал по лицу, пока я спускалась с трапа и быстрым шагом семенила до перронного автобуса, несмотря на тяжесть дорожной сумки.

– Девушка, вам помочь? – чужая холодная рука коснулась моей ладони.

И я, конечно же, вздрогнула, как трусливый заяц, а затем замотала головой, еще быстрее ускоряя шаг.

Мне не нравилось, когда мужчины первыми вторгались в мое пространство. *Лишь я могла контролировать приток новых людей в свою совершенно скучнейшую жизнь.*

Краем глаза я все еще видела, как этот мужик пялится в мою сторону. Но мое каменное выражение лица обычно решало все проблемы. Так произошло и на сей раз.

Скользящие плавной походкой двери аэропорта расплзлись в разные стороны и выпустили меня наружу. Пожухлые листья тополей и берез кружились в воздухе, норовя поскорее укрыть собой грязный, словно политый подсолнечным маслом, асфальт.

– Поли! – чужие ладони снова коснулись меня, заслоняя взор. Но сейчас я знала человека, что стоял за моей спиной. Поэтому улыбнулась.

– Саня!

Аромат клубники тут же заполз в ноздри. Ничего не меняется.

– Ты все еще литрами льешь на себя шампунь “Маленькая фея”? – И, не дождавшись ответа, я упала в ее объятия. Как же я скучала!

– А ты все еще носишь эти ужасные линзы? – Она по-дружески – крепко-крепко, но с теплом – схватила меня за плечи и заглянула, будто бы не в глаза, а прямоком в мою душу. Саня, поди, и забыла, какого цвета были мои глаза до всего, что произошло.

– Блондинкам идет голубой цвет. – Я вычитала это на просторах какого-то глупого женского паблика.

– Пошли, блондинка Поли! – Наши пальцы переплелись в знакомом с детства жесте. И на душе сразу стало тепло и спокойно.

Последний раз мы виделись с Саней год назад – в Москве, после моего выпуска из универа. Она помогала мне собирать вещи для переезда в Светлогорск.

Последние годы мы виделись не так часто, как это было ДО. А все потому, что я уехала из нашего родного поселка Ярский навсегда шесть лет назад. Сперва посреди года перевелась в другую школу – городскую. А после выпуска и вовсе отправилась учиться в Москву на переводчика с китайского языка.

Пока я жила в городе, мы с Санечкой виделись каждые выходные: она запрыгивала на 97 экспресс и доезжала от поселка Ярский до Осиновского центрального района, где и жила моя тетьа Юля, которая после всего приютила меня у себя.

Мы с Саньком встречались у большого фонтана со ржавыми подтеками на шербоном мраморном камне и шли гулять. Летом и в теплые весенние или же осенние дни отправлялись в ближайший парк, а в холодные дни плелись к моей тете. Мы запирали стеклянную прозрачную дверь на утепленной лоджии и полусшепотом секретничали обо всем на свете. Единственной запретной темой был Ярский и все, что происходило в нем. Тетьа, конечно же, не стала бы подслушивать наши разговоры, но с некоторых пор я просто разучилась доверять людям, даже тем, стремился мне помочь. Исключением была и будет моя Санечка – моя подруга и родственная душа.

– Маман подготовила тебе гостевую комнату.

Санька хлопает меня по коленке, обтянутой черной джинсовой тканью. И я снова вздрагиваю, но потом понимаю – тревога ложная. Я в безопасности. Хоть и нахожусь в незнакомой тачке, за рулем которой незнакомый мужик. Но он, слава богам, не обращает на нас внимание. Крепко держит руль и следит за дорогой – как и полагается водителю такси.

– Сань, – мне хочется возразить и убрать с лица прядку ее красивых темных волос, но по руке будто бы проходит электрический разряд: в профиль она безумно похожа *на меня – на Полину шестилетней давности*.

Мы всегда были похожи, как сестры. Но после всего, что произошло, я стала блондинкой Поли с голубыми глазами. А Саня так и осталась жгучей брюнеткой с длинными густыми волосами и темными глазами. И вот сейчас, когда я снова оказалась на родной земле, в знакомых некогда локациях, я вновь уловила наше прежнее сходство.

– Да? Ты чего? – Она бросает на меня короткий взгляд, полный нежности и сестринской любви, а затем снова глядится в очертания извилистого дорожного пути, и я понимаю: нет, все-таки Саня – это Саня. Любовь к жизни ложится мягкими тенями на каждую черточку ее милого лица – с огромными блестящими карими глазами, с опушкой длинных бургундского оттенка ресниц, со вздернутым носиком, с ниточкой тонких губ, которую так легко растянуть в улыбку самой простой шуткой. А я... Я другая. Мне сложно найти повод для радости. И мне не хочется даже думать о том, какая я и как выгляжу со стороны. Я знаю лишь одно: на моем лице на веки вечные вытатуирована печать тех времен, о которых я хочу забыть...

– Сань, я, наверное, в гостишку, – все-так выдавливаю из себя.

– Ага, еще чего! Это наша неделя – и только наша. Никто ее у нас не отберет – даже ты сама. Вторая часть дома в нашем полном рас-по-ря-же-ни-и! Никита улетел в Сиб – к своим. А мама и папа будут сидеть на своей стороне дома. Поэтому...

Санька подмигивает мне, а затем обращается к водителю:

– Сделайте, пожалуйста, погромче.

Из динамика, как по заказу, играет «Выхода нет»¹.

– Помнишь, как мы мечтали однажды попасть на их концерт? – спрашивает Санечка.

Я киваю.

Видимо, действительно, у меня нет выхода. Остается уступить Саньке и осесть на неделю в Ярском. Надеюсь, эти семь дней не уничтожат меня до основания. Хотя внутри меня и так давным-давно творится черт пойми что и сбоку бантик (неприменно черного цвета – все, как я люблю).

– Ладно, поехали. Но если...

– Даже не думай! – Санечка часто-часто качает головой. Выглядит так, будто бы она пытается убедить не меня – себя. – Прошло шесть лет. Эти уроды, все до одного, исчезли из Ярского. Кто-то умер. Кто-то сел. Кого-то жизнь просто проучила. – Она снова бросает на меня беглый взгляд. По обеим сторонам трассы тянется насыпь из золотистых листьев. Середина сентября.

– Дело же не только *них*... – На языке саднят мозолью их имена.

– Плевать! Плевать на них с высокой колокольни. – Санька улыбается во все тридцать два – будто бы для этого есть реальный повод.

Мне не весело – ни капельки. Потому что я понимаю, что все еще не хочу встречаться со своим прошлым, которое осталось в Ярском, являющимся для меня подобием крематория. Жители поселка наверняка помнят, что случилось с внучкой Брониславы Викторовны Залевской.

Потому что я не забуду это никогда.

¹ Песня группы «Сплин».

ГЛАВА 2

Саундтрек к главе – «Пропаганда» – «Мелом»
Сейчас

– Полюночка, господи, сколько мы с тобой не виделись? Скажи, Слав...

Я смотрю на родителей Сани, и жизнь будто бы отматывается с бешеной скоростью на много лет назад.

На стене у входа в их дом висит та же картина: репродукция полотна Кулиджа “Собаки играют в покер”. Когда я впервые оказалась в коттедже у Семеновых, нам с Санькой тогда было лет по семь, я до жути испугалась увиденного – в особенности вида собаки с отвисшей челюстью, что держала в лапах игральные карты. У порога по-прежнему стоит велосипед с корзиной на руле. В корзине лежат ранетки с пятнышками гнили. Интересный факт: на этом велике никто никогда не ездил. А ковер в центре прихожей до сих пор хранит чернильное пятно, что мы с Саней нечаянно поставили, когда рисовали себе ручками временные татушки на предплечьях.

– Тань, ну ты думаешь, я помню? Я не помню, что вчера-то было, а ты мне: «Сколько лет не виделись?» Полька, ну иди сюда, хоть обнимемся. – Дядь Слава протягивает ко мне руки, и я неуверенно ступаю вперед. Мозг подает слабый сигнал о том, что я знаю этого человека, поэтому могу довериться. Но привычка очерчивать границу перед *взрослым мужчиной* сильнее лимбической системы, отвечающей за память, поэтому я скукоживаюсь.

Но дядь Слава все равно обнимает меня, как ребенка, и аккуратно хлопает по спине.

– Пап, Полина не любит, когда к ней лезут обниматься, – одергивает его Саня – осторожно, с привычной улыбкой, – и дядь Слава тут же, как по команде, отстраняется.

– Ну ладно-ладно, проходите давайте, мать тут накрыла поляну. Почаевничаем немного и пойдем на свою сторону дома. Маргарита Ивановна без нас заскучает...

Семеновы купили этот дуплекс, когда мы пошли в первый класс. В одной части дома жила бабушка Сани, которую я видела очень-очень редко. А в другой – тетя Таня, дядь Слава и Саня. Сейчас, как я поняла, родители отдали молодоженам свое родное «левое крыло». А сами переехали окончательно в «правое», к бабушке Сани – Маргарите Ивановне. Пару лет назад ее парализовало, и она уже не могла сама себя обслуживать. Именно поэтому Саня и согласилась отпраздновать свадьбу здесь – на территории дома, в поселке Ярский. *В противном случае она бы ни за что так не поступила со мной. Она бы не заставила приезжать в место, уничтожившее меня.*

Мы сидим за столом на кухне, где проводили прежде холодные осенние вечера, когда на улице невозможно было гулять. Поселок Ярский, в северной его части, брала в полукруг река Яра, посылающая на местных злые колючие ветра. С юга же непроходимой стеной шел пихтовый лес. Он хоть и являлся защитником от южных ветров, но ужаса в осенне-зимний период вселял не меньше, чем пронизывающий до костей свист погонов Яры.

– Полиночка, я бы тебя ни за что не узнала в толпе. – Теть Таня кладет правую руку с толстым золотым кольцом на безымянном пальце на грудь – так, будто бы у нее колет сердце. А левой продолжает резать яблочный пирог.

Я бы тоже не узнала родителей Сани. Теть Таня поправилась, ее хорошенькое худое лицо превратилось в одутловатый шар, а длинные темные волосы покрылись проседью. Дядь Слава тоже пополнел и к тому же побрился налысо. В детстве мне очень нравилось, как он выглядел: он был похож на Лукаса из «Клона». А сейчас... Сейчас передо мной сидел среднестатистический семьянин с тридцатилетним стажем брака, ипотекой и кучей повседневных забот.

– Помню твои шикарные волосы. Цвет все такой искала в нашем хозтоварном у Зинки – горький шоколад. А коса! Коса-то – до самой поясицы! И глазища – черные, как ночь. Ну Эсмиральда, вылитая! – Теть Таня улыбается сама себе.

А я чувствую, как ком тошноты подползает к горлу... Вспышкой неясных кадров в голове появляются *снимки моей косы, что плывет по реке.*

– Мам, ну че вспоминать-то? – Я слышу по голосу, как Сане неловко. – Сейчас вообще не в моде длинные волосы.

Но теть Таня словно и не слышит дочь. Она кладет на блюде с красными маками огромный кусок яблочного пирога и продолжает:

– Харитонову-то, заразе, все бумерангом вернулось. Вот как, Полиночка. Бог не Тимошка – видит немножко. Иркин хахаль покалечил его так, что теперь он не казанова, а инвалид... Но они здесь не живут уже, не переживай.

– Мам!

– Теть Тань, простите, у меня после перелета голова...

Харитонов. Шесть лет не слышала эту фамилию. Мерзкие мурашки расползаются по сердцу.

– Ой, конечно, иди, приляг, отдохни. Я тебе такую перину подготовила. А мы со Славой к себе пойдем.

Теть Таня снимает фартук и кладет на стул. Дядь Слава продолжает жевать пирог, запивая воздушное тесто горячим чаем с шиповником. Мне неудобно своим присутствием нарушать привычный уклад дома Семеновых. Наверняка после свадьбы Санечки и Никиты ничего не изменится: теть Таня и дядь Слава так и будут ходить сюда, как к себе домой. Вероятно, это всех устраивает. Но мне хочется личного пространства, поэтому я беру телефон и пишу Сане:

«Давай я все-таки в гостиницу. Мне жутко неудобно, что стесняю вас!»

Санечка выпучивает на меня глаза и мотает головой. Я понимаю, что она сделает все, чтобы я осталась.

– Мам, пап, спасибо, что встретили нас. Но у нас тут планы на последнюю неделю моей свободной жизни.

– В кабак, что ли, собрались? – Дядь Слава хитро улыбается и подмигивает Сане.

– Да хоть бы и в кабак. Давайте, на телефоне будем, бабуля там уже вас заждалась. – Она подсказывает со своего места и обнимает обоих родителей за плечи. А затем чмокает их в щеки.

Мне неловко от этого зрелища. Меня воспитывала совершенно безэмоциональная бабушка, которая не разрешала ни обнимать, ни целовать ее. Даже когда я съезжала от нее к тете Юле, она сказала мне: «Ты такая же, как твоя мать. Этого стоило ожидать». А я и не знала, какая она – моя мать. Бабушка лишь обмолвилась однажды, что она умерла при родах. Найти же моего отца не представлялось возможным, потому что мама так и не сказала бабушке, от кого забеременела.

К своему удивлению, до восемнадцати лет я чувствовала себя вполне счастливым человеком. Дружба с раннего детства с Саней дала мне то, что не смогло дать строгое воспитание бабушки, – любовь и уверенность в себе. Дружба с хорошими людьми, вероятно, всегда творит чудеса с людьми, в которых родители не вложили ничего, кроме внешних данных.

Но роковой год моих первых тайных отношений с парнем перевернул реальность с ног на голову. Я потеряла все: любовь к жизни, уверенность в себе, доверие к людям.

Вот уже шесть лет я считаю, что самый безопасный вариант выживания в этом странном мире, полном странных людей и событий, – никому и никогда не доверять. Не принимать ни внимание, ни подарки, ни обещания о долгой счастливой жизни. И если уж вступать в непродолжительный контакт с противоположным полом, то только по своей собственной инициативе. Никаких первых шагов от мужчин мне не нужно даром. Отношения (даже те, что длятся пару часов) – моя зона контроля. И точка.

– Слав, все, на выход давай. Девчонкам посекретничать, поболтать хочется, целый год, считай, не виделись. Намеков, что ли, не понимаешь? – По-родственному в плечо толкает дядю Славу тетя Таня. Будто бы сама понимает те самые намеки, о которых говорит.

– Спасибо вам, что встретили и приютили, правда.

– Юльке привет передавай. Сашулька сказала, она в Италии сейчас живет.

– Обязательно, – выдавливаю из себя улыбку, а сама думаю о том, как же мне уже хочется оказаться в тишине.

Я знаю, что Санечка точно даст мне побыть наедине с собой. Она всегда была тем другом, с которым можно молчать, не испытывая неловкости.

Я слышу, как хлопает деревянная дверь и как, шаркая домашними тапочками по паркету, Саня идет назад на кухню.

– Прости маму. Она всегда думает, что лучшая поддержка для человека – это словесный ушат из грязи, надетый на голову их врага.

– Хари... – язык не поворачивается полностью произнести его фамилию даже спустя столько лет. – Он мне не враг. Просто темная фигура моего темного прошлого. *Я сама виновата.*

– Оно не стало бы темным, если бы не он... – Саня нервно заправляет за ухо волосы. Она бесится. Все еще бесится, когда я виню себя в том, что случилось шесть лет назад.

Но я и правда виновата.

ГЛАВА 3

Саундтрек к главе – «Китай» -

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.